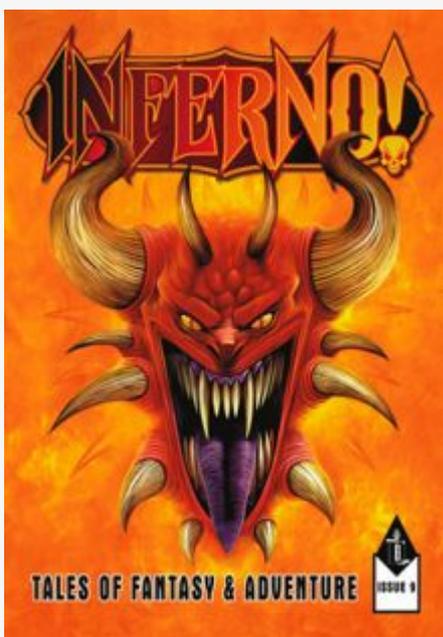

Волк в овчарне / Wolf in the Fold (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Волк в овчарне / Wolf in the Fold
(рассказ)

Автор	Бен Чессел / Ben Chessell
Переводчик	Serpen
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Царство Хаоса / Realm of Chaos (сборник) Истории Старого Света / Tales of the Old World (сборник)
Источник	Inferno! #9
Год издания	1998
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

НОЧЬЮ свет в храме был уменьшен до двух железных мангалов в знак уважения к трудным временам, и каменные столбы прыгнули в наступившую тьму, поддерживая сводчатую крышу из чистой полночи. Настойчивые капли воды нашли путь через черепицу кровли и шипели, испаряясь, в одной из жаровен,

так же регулярно и непрестанно, как кнут палача.

«Магнус, названный в честь Благочестивого» встал с корточек, положения, в котором его сандалии закрывали полы рясы, его единственной скудной защитой от холода, и возобновил уборку алтаря. Обычно уборку производили мальчики в ночные часы, но неподготовленная рука не могла прикоснуться к алтарю Зигмара, а он должен был сиять как зеркало к приходу прихожан наутро. Магнус подумал, задумывался ли его тёзка над этим парадоксом, да и вообще хоть когда-нибудь полировал алтарь. Конечно, архи-лектор не собирался заявиться сейчас и сделать это, закутанный в бархатные простыни со своею любовницей, которой как бы и не было, его уединение обеспечивали крепкие ворота и клинки.

Стук в огромные двери заставил Магнуса выронить ведро и разлить воду и песок на фрагменты изображения неудержимого Молотодержца, который украшал храм Нульна. Мозаика, собранная из синих, белых и золотых плиток, имела мало смысла для зрителя, смотревшего на неё так же близко, как Магнус. Шесть плиток составляли нос героя, чей решительный изгиб сторонний наблюдатель мог разглядеть только со значительного расстояния и с точки, дающей достаточно широкий угол обзора. Бормоча проклятия, достаточные, чтобы его исключили из семинарии, Магнус обошёл свою запруду и пробрался в придел, вытоптанный голыми стопами бесчисленных процессий ныне уже мёртвых священников. Стук повторился: три резких удара, сделанных тяжёлым предметом. Магнус представил себе тяжёлый эфес меча, пока не вспомнил о молотке, отлитом в бронзе, который крепился к левой створке.

Прежде чем отодвинуть тяжёлый запор, мальчик расправил плечи. Мокрый плащ сбил его на холодный пол. Тело скатилось с него и замерло неподвижно, пока буря пробивала себе путь в храм. Магнус вскочил на ноги и всем весом налёг на дверь.

К тому времени, когда он заложил засов на место, мужчина подтащил себя к одной из могучих колонн храма и сидел, прислонившись к её покрытой резьбой поверхности. Мужчина был высок, но все остальные детали его тела скрывались промокшим плащом, и, пожалуй, не одним, в который он завернулся, словно в саван. Он тяжело дышал, и Магнус не мог не видеть, что мужчине было нехорошо. Двумя руками он держался за живот, как будто съел что-то не то на обед, и во второй запруде, образованной на полу храма этой ночью, Магнус увидел изгибающиеся завитки крови.

Человек проговорил с явным трудом, его голос напоминал прекрасное вино в деревянной кружке: - Каслэйн. - имя архи-лектора.

Архи-лектор Каслэйн спал, как и все священники.

- Могу я предложить вам кровать, в которой вы могли бы отдохнуть, пока они не проснутся, - Магнус был хорошим студентом и в этой ситуации его знания хорошо служили ему.

Человек немного выпрямился, и вспышка боли запятнала черты его лица.

- Я сомневаюсь, - голос дворянина, с полной уверенностью решил Магнус, - что смогу увидеть рассвет. - Мальчик не мог отрицать, что человек, исходя из величины кровавой струи, которая выискивала себе путь к алтарю, вряд ли очнётся ото сна.

- Может быть, - Магнус подошёл поближе, чтобы мужчина мог без труда расслышать его, - я могу разбудить одного из священников, чтобы поговорить с вами?

На лице человека появилось выражение, которое могло быть улыбкой.

- Мои последние слова, исповедание грехов всей моей жизни, могут быть выслушаны только самим архи-лектором.

Магнус искал в памяти учебник, в котором бы находился подходящий ответ, но его размышления были прерваны.

- Может быть, если я представлюсь, это поможет тебе принять решение, мальчик. Я полагаю, ты слышал об Адриане Самораччи? - осторожный, но пустой взгляд в ответ на его слова, убедил мужчину, что не слышал.

Человек вздохнул и слизнул капельку крови, выступившую на уголке его губ. Её вкуса оказалось недостаточно, чтобы изменить выражение на твёрдом лице мужчины. Он продолжил, имена выходили из его уст с умеренным любопытством человека более привыкшего слышать их, чем говорить.

- Тилейская Оса? Тысячеликий из Магритты? Грободел? Есть и другие прозвища.

- Ах, - признал парень. - Вы - это он?

- Да, это я, - пауза. - И я хочу, прежде чем я отправлюсь пинаться и кричать в блаженной компании Морра, очистить свою душу от разводов, запятнавших её. Ты уверен, что *любой* священник настолько возлюблен вашим богом, чтобы даровать мне отпущение грехов? И, мальчик, ты хочешь стать единственным, кто лишит своего архи-лектора, возможно, величайшей исповеди за всю его жизнь?

Было определённое достоинство, придаваемое мужчине, даже умирающему мужчине, который задавал вопросы, на которые не было ответа. Магнус быстро вышел из придела часовни и последовал по маршруту, который был ему прекрасно знаком, но которым он редко пользовался.

Нужно взять паузу, остановиться и подумать, собраться с духом, прежде чем разбудить архи-лектора храма Зигмара в Нульне. Магнус несколько долгих мгновений стоял перед дверью, подняв свой небольшой кулак для стука. Расстояние, которое ему предстояло пересечь, едва ли превышало длину предплечья, но любое расстояние, которое предстояло пересечь впервые, было подобно путешествию во тьму. Магнусу пришлось стучать дважды, прежде чем в ответ из-за двери раздался голос.

- Ваше Святейшество, здесь человек, - ответ был предсказуемо резкий, и Магнус вежливо ждал, пока он не исчерпает сам себя. - Ваша милость, это весьма значительный человек, который просит именно вас. Даже сейчас его жизнь истекает на пол храма, - чересчур поэтично, возможно, но Каслэйн имел склонность к такого рода языку в своих проповедях, и Магнус рискнул. Последующая реакция всё решит.

- Кто этот человек?

Победа. В своём роде.

ПРИШЛИ два младших священника, чтобы отнести Тилейскую Осу в покои Каслэйна. Убийца скрыл лицо под капюшоном, и воображение Магнуса невольно вызвало в его разуме вид лица человека, который столько раз встречал смерть лицом к лицу, и вот теперь она пришла за ним.

Когда почти траурная процессия проходила мимо Магнуса, тёмный лик склонился и безликое отверстие, словно бы изучающее посмотрело на него. Магнус нашёл неотложное желание изучить резную поверхность мрамора перед собой. Он видел этот рисунок много раз, склоняя голову в молитве, и

представлял себе виноградные лозы, облака, рыбные сети. Теперь он увидел вены, как на бледных щеках старика.

Предоставленный самому себе в умирающих ночных часах, Магнус принялся оттирать губкой кровь человека от камней. Некоторая часть её окрасила строительный раствор, и Магнус усердно тёр, чтобы отчистить большую часть. Его последним действием в утренние часы, перед тем как отойти ко сну - ему разрешалось спать до девятичасовой молитвы - было открытие дверей храма, чтобы поприветствовать восходящее солнце. Он вышел на широкую каменную площадку и прикрепил двери к стенам за специальные крюки. Крепкие дубовые двери.

Магнус уже был готов вернуться в храм и погрузиться в несколько разрешённых ему часов сна, когда был остановлен тем, что увидел на дверях. Бронзовые молотки, которые, как правило, крепились к створкам, были удалены для полировки, так как храм Зигмара не мог допустить, чтобы святые символы видели потускневшими. Он вспомнил настойчивый стук незнакомца в дверь. Он бросил губку и осторожно устремился по коридору обратно к личным покоям архи-лектора.

КАСЛЭЙН приготовился, но не так, как для обычной заключительной исповеди. Культ Зигмара часто получал последние завещания от умирающих людей, обещая им благословение Зигмара на их пути в земли Морра.

Церемония была относительно простой, но часто человек, получавший благословение, уже слишком далеко прошёл по этому пути, чтобы понять многое из того, что говорилось. Иногда то, что он считал необходимым рассказать, некая давняя тайна, переставала быть важной для всех, кроме её хранителя: злодеяние, может, предательство или мелкое уголовное преступление. Каким бы ни была истинная природа деяния, каждый человек ампутировал воспоминание и отдавал его на сохранение священнику, чтобы оно не сопровождало его в следующей жизни.

Каслэйн слышал множество жалких и отвратительных деяний, поведенных ему таким способом, но они редко производили впечатление на стареющего священника. В его собственной жизни было слишком много подобных историй, чтобы его могли впечатлить мелкие проступки какого-нибудь грязного фермера или окровавленного солдата.

Однако человек, которого он приготовился встретить, был не из таких. Какие счёты у него с Зигмаром? Каслэйн, одетый в церемониальные одеяния и готовый принять своего умирающего посетителя, рассмотрел, что он знал об этом человеке.

Тилейская Оса, это прозвище он получил потому, что якобы владел мастерством мерзкого искусства приготовления и применения ядов. Волк в Овчарне или Тысячеликий из Магритты - эти прозвища видимо из-за непревзойдённого мастерства маскировки и проникновения в лагерь своей жертвы.

За это он, пожалуй, был наиболее известен, и имелось множество историй о том, как он так дурачил стражу или чиновных лиц. Истории часто рассказывали как юмористические вирши, праздное развлечение, и каждая заканчивалась тучным чиновником, остававшимся с взрезанным горлом или вскрытым брюхом. Можно было шутить о смерти откормленных чинуш, что так мало заботились о них, но Каслэйн знал, что правда была намного более ужасной, чем говорилось в подобных рассказах.

Другое прозвище, которое приобрёл этот человек, было Грободел, из-за огромного количества убийств, приписываемых ему за годы его карьеры, которая охватывала почти двадцать лет. Всё известное об этом убийце говорилось с использованием словечек «возможно» или «предположительно», и почти ничего не

было подтверждено до такого состояния, чтобы считаться бесспорным фактом. Никто не знал его настоящего имени, и никто не мог опознать его в лицо, каким бы оно ни было.

«Этому, - подумал священник, - предстояло измениться».

Отроки внесли человека в личные покои Каслэйна и положили его на диван. Диван был покрыт плотным холстом, чтобы защитить от крови, которая щедрыми мазками пятнала голые руки и белые одежды отроков.

Каслэйн, как правило, не делавший юмористических замечаний, был чрезвычайно возбуждён, отметив, что два парня, возможно, были единственными, кто был ранен Тилейской Осой и остался в живых, чтобы поведать об этом. Немного посмеявшись, юноши ушли, и Каслэйн толкнул тяжёлую дверь, закрывая за ними.

Человек заговорил ещё до того, как последнее эхо железа и дерева было проглочено шерстяными коврами и бархатными шторами.

- Отец, я пришёл, чтобы обрести покой, - голос напоминал шелест покидающего ножны лезвия.

Каслэйн успокоил свой собственный голос.

- Вы сможете обрести здесь то, что ищете.

- Я знаю, что это должно быть правдой. Он не может быть дарован любым человеком. Ты единственный, отец, кто может даровать мне покой, - слова мужчины были тщательно подобраны.

- Вы человек, которого окружает много зла, но, возможно, нам не стоит говорить обо всём этом. Что бы вы хотели, чтобы услышали мои уши, и освободило моё сердце? - Каслэйн повторил ритуальные слова не с большей убежденностью, чем обычно, но его тело напряглось.

- Отец, я хочу поведать вам, как я пришёл, чтобы убить священника.

Послышался вдох Каслэйна и резкий дополнительный воздух вонзился в его лёгкие. Священник! Ему стоило крайне осторожно обращаться с умирающей легендой на своём диване.

Легенда закашлялась и открыла глаза. Кровь, окрашивавшая подбородок, подчёркивала его глаза, которые посмотрели на Каслэйна. Так пусты они были от всяких чувств, что Каслэйн на мгновение подумал, что человек уже мёртв. Жест священника застыл на середине, как будто малейшее движение могло спровоцировать убийцу уйти за край до отпущения всех грехов.

Человек, прозванный Тысячеликим из Магритты, изо всех сил приподнялся на локте и посмотрел прямо на свою аудиторию.

- Меня зовут Адриан Самораччи.

Каслэйн приподнял бровь. Если человек действительно был тем, кем назвался, то его имя делало его наследником одной из мощнейших торгово-дворянских семей северной Тилеи.

- Меня зовут Адриан Самораччи, и я был дважды ограблен. Первый раз произошёл давно и не касается вопроса, по которому я жажду отпущения, за исключением того, что именно он сделал меня тем, кем я являюсь ныне. Второй раз, однако, второй раз произошёл осенью, которая сейчас только умирает. Умирает, как и я.

СНАЧАЛА я думал, что она была дочерью фермера. Простая дочь фермера, покрытая землёй, свидетельством её ежедневных трудов в поле. Её волосы были цвета мякины, которую она раскидывала на земле перед свиньями в барском имении человека, который владел ею. Я увидел её, стоявшую рядом с дорогой, когда впервые подъехал к усадьбе, и она впилась в меня взглядом, который я не понимал - хотя понимаю теперь. Подобное узнаёт подобное. Подобное узнаёт подобное, и теперь она мертва. Таков путь вещей и немногие серьёзно задумываются об этом. Так же как ястреб охотится на зайца и никогда наоборот, так и крестьянин должен работать на господина...

Но я пришёл сюда не затем, чтобы тратить своё последнее дыхание на споры о мироустройстве, да и на самом деле, она не была зайцем. Я пришёл сюда, чтобы использовать свой последний вздох на более значимые вещи, по крайней мере, для меня. Я пришёл сюда, чтобы потратить свой последний вздох на разговор о любви и смерти.

Я продавец смерти, почти купец, могли бы вы сказать, или ремесленник, или шлюха, чьё тело является всего лишь товаром. Я - всё это. Моя работа приводит меня в странные места, и я часто имею шанс прикоснуться к жизни, к жизни благородной, богатой и удачливой. Немногие люди платят золотом за жизнь сапожника или серебром, чтобы подмастерье кузнеца тихо утонул в Рейке.

Граф Пфайльдорф, подобный хорьку человек, содержал усадьбу за пределами одноимённого города, за который он нёс номинальную ответственность. Человек нашёл меня, найдя одного из моих людей в Нульне, и поручил передать мне: двенадцать слитков золота Чёрных гор за смерть графа. Когда золото благополучно оказалось на хранении в моём сейфе (ибо я никогда не предоставлял такую привилегию, как кредит), я поехал в Пфайльдорф, приняв обличье охотника на волков (субъект о котором я знал очень мало, хотя мне и предстояло узнать больше).

Прибыв в Пфайльдорф, я поселился в комнатах с тараканами и девками и отправился на работу. Это стало достаточно простым делом: украсть лошадь и каждую ночь ездить к усадьбе. Личная охрана графа была достаточно мощной: может, он и был хорьком, но хорьком-параноиком. Однако его подчинённые были более доступными.

Главным человеком графа, его кастеляном и егерем, был жирный пудинг по имени Хуго. Графские стада разбрелись по склону холма, пока Хуго готовился к поглощению бретонских пирожных или занимался какими-либо иными подобными делами.

За четыре ночи я вплотную подобрался к стаду, чтобы украсть ягнёнка. Я собирался завернуть борющееся существо в свой плащ и унести прочь так, чтобы шум не разбудил собак. Здесь мой план едва не дрогнул, так как я не мог заставить себя убить животное, с шерстью ещё желтоватой после родов. Они были ни в чём не виновны. Все мои жертвы в чём-то виновны. Что ни говори, вы сами избираете жертву убийцы.

Я оставил ягнят в своей грязной комнате, где они поедали матрас и гадили на пол (поведение, вполне соответствовавшее постоянным посетителям сих заведений). Каждый день я стоял у деревянного ящика на рынке и усиленно работал на свою новую профессию. Я был охотником на волков, шедшим по следам коварной самки, убийцы с севера, твари из тех, что заставила полуросликов покинуть их дома. Я создал существо, внушающее ужас всей округе. Многие свои беды фермеры, без сомнения ошибочно, списывали на происки этой бестии, а некоторые даже пытались нанять меня, чтобы я избавился от неё. Моя плата была соответствующе высокой: достаточно высокой, чтобы бедные пастухи не могли позволить себе мои услуги. Вы можете подумать, будто я находил эту работу утомительной, но есть своеобразное лёгкое умиротворение в полном воспроизведении моей стратегии, и я нахожу большое

удовольствие в изобретении подобных изысканных деталей.

В конце концов, это произошло. Хуго вразвалочку пришёл на площадь в сопровождении одного из графских людей. Парочка подошла ко мне и после краткого торга по поводу цены, которую я демонстративно отказался снижать, наняли меня, чтобы я прикончил волка, похищающего их ягнят.

Мне дали жильё в комнатах для слуг в графском поместье: койку на земляном полу. Я спал и в худших местах, и на шёлковых простынях. Моя уникальная профессия дала мне шанс узнать о том, как другие живут своей жизнью, жалкой и безрадостной, зачастую, прежде чем я забирал эти жизни. Брал их и разбивал их. Но это не значит, что делая это, я не испытывал сострадания, и вы вскоре увидите это. Как я уже говорил, я увидел девушку, когда въезжал в имение, и её лицо оставалось со мной, хотя я не знаю почему.

Мой план был прост: в течение дня устроить небольшое шоу, делая вид, что устанавливаю ловушки, а ночью поразведать территорию, чтобы решить, как наилучшим образом проникнуть в крыло графа. Я должен был пробыть там дня три, не больше. После разработки плана я уже не люблю отвлекаться. Таким образом, каково же было моё возмущение, когда на следующее утро ни свет ни заря меня разбудил Хуго и потребовал объяснить пропажу двух ягнят из стада этой ночью. Все мои ловушки были пусты, и всё же животные исчезли. Торопливо, так как боялся, что мои макеты ловушек не выдержат пристального изучения, я оделся и проследовал по вьющейся тропе к стаду, пока графу, лежавшему на перинах, подавали рис и фазана на завтрак.

У меня есть некоторые навыки в чтении следов и то, что я увидел на земле - удивило меня. В грязи у ручья, куда стадо приходило на водопой, были знаки похищения: следы волочения, которые указывали на кончину ягнят, тут немного шерсти зацепившейся за колючку, там отпечатки ног пастухов, которые слишком поздно прибыли на место происшествия...и везде были глубокие следы большого волка. Ветер, и так холодный около ручья, вызвал резкий озноб. Я прошёл по следам пока они не привели меня обратно к потоку и не пересеклись там. «Умный волчок, - подумал я, - этот убийца, которого я якобы создал». Умный волчок, появившийся из воздуха и воображения. Я мало что мог сделать, кроме как ждать ночи, которая, как правило, была моим другом.

Я не являюсь человеком, которого легко испугать, так же как не являюсь тем, кто привык бояться. Как только ночь окутала меня, как только она мягко упала на землю и закутала зелень ветвей в паутиный саван, бусинка пота нашла шрам у основания моей шее и поселилась там. Крайне глупо это всё выглядит, не правда ли: этот человек, этот убийца, который не боится ничего, испугался зверя, которого сам же и придумал. После краткой беседы с пастухами, которые сообщили мне, что уже в течение нескольких месяцев имели проблемы с этим волком (и которые, к счастью, были более напуганы, чем я), я занял позицию в ветвях большого дуба, который раскинулся над стадом, словно священник, благословляющий свою паству.

Не могло быть и речи о том, чтобы я заснул. Такие бдения распространены в моей профессии, да и кроме того, насест был крайне неудобен. Я наблюдал, как луна проходит по небу, описывая жемчужную дугу, опускающуюся за западный горизонт. Следовательно, до утра оставалось только несколько часов, и я давно перестал дёргаться на тени собак, лохматых коричневых зверей из питомников Аверхейма. Именно одна из этих дворняг и стала той, что первой увидела её, или точнее учуяла её запах. Хоть она и пришла с подветренной стороны, но мы все могли почуять её вонь. Это был запах, который я чуял и прежде, много раз. Когда человек собирается умереть, когда осознаёт, что смотрит в лицо смерти, в этот момент он обладает определённым запахом. Что-то в его дыхании, или исходит от его кожи, не знаю, я не врач. Я почуял запах той ночью на ветру. Когда я посмотрел вниз со своего насеста, она уже была

там.

Я видел волков раньше, но только в клетках, катящимися в зарешеченных вагонах на улицах или ярмарочных площадях: «Приходите потравить свирепого волка, покормить безумного убийцу со своей собственной руки!» Она была убийцей, это верно, но далеко не безумной. Она двигалась решительно и взвешенно. Я скользнул, спускаясь пониже на дереве, тихий, как она, тоже охотящийся. Её подход оставил меня с подветренной стороны от нее, и я был почти сокрушён запахом смерти, вонью её мускуса. Как в старой кислевской сказке, я сделал аркан из толстой верёвки и балансировал на нижнем суку, наблюдая за ней. Она была обворожительна, конечно огромная, но проворная и уверенная в себе. Я представил себе её жёлтые глаза, глядя, как играют мышцы под шкурой на боках.

Она тихо двинулась к стаду. Одна из собак обнаружила источник запаха и вприпрыжку бросилась к ней. Хорошо обученная псина обнажила клыки и присела на своих передних лапах, говоря с волчицей на языке, который та, несомненно, понимала. Как только она отвернулась, я приготовился захлопнуть свою ловушку. Однако она не отклонилась от своей цели, не обратив внимания на угрозу собаки, и я заметил кое-что странное в её походке: она была голодна, как волк, конечно, но она не присела в охотничью стойку, пройдя мимо рычащего пса, выпрямившись в полный рост.

Это оказалось уже слишком для собаки, которая бросила себя на её горло, словно вокруг её собственного затянулся шипованный ошейник. С движением шеи, которое в равной степени могло быть презрительным или отчаянным, волчица повернулась к атакующей собаке и бросила её на землю, вцепившись в позвоночник животного. Её неудачливый атакующий взвизгнул и откатился, попытавшись распрямить ставшее бесполезным тело. Я говорю «презрительным или отчаянным», потому что я не мог прочесть эту странную тварь, я не обладал знанием этого языка. Я должен был появиться в тот самый миг, но я ждал, замерев во тьме, с чувством, которое равно могло быть любопытством и страхом.

Потом пришли пастухи, с другими собаками. Не сомневаюсь, что они даже не задумались о том, почему я не захлопнул свою ловушку, не сделал вообще ничего. Трое молодых, сильных мужчин Аверланда, вооружённые крепкими посохами, очищенными от коры за долгие, всенощные бдения. Ещё две собаки злые, испуганные после крика их сородича по стае. Они загонят её, возможно, прежде чем волчица успеет забрать ещё одного агнца, что-то иное было просто невысказано.

В последнюю минуту я понял, что всё будет не так: что-то в том, как она двигалась, что-то в изгибе её боков. Я почти прокричал предупреждение, но, впрочем, я не чужой смерти, и эти люди были ничем для меня. Кроме того, их было больше. У меня есть, должен признаться, сентиментальная привязанность к более слабым, к одиноким волкам.

То, что было после, послужило хорошим уроком убийства для убийцы. Снова она ждала до последнего момента, обернувшись лишь тогда, когда две псины обрушились на неё, вытянув свои тяжёлые черепа в атаке. Она вильнула в сторону и взрезала ужасную рану на боку ближайшей к её челюсти собаке, отправив свою жертву в скользящее падение вниз к берегу ручья. Прежде чем другая собака успела опомниться, волчица вскочила на лапы и сама бросилась в атаку. Она поднырнула под её защитой и, извернувшись, схватила собаку за спину, а затем подбросила в воздух и швырнула боком в скалу. Собака кашлянула разок и затихла. Пастухи остановились, страх и гнев боролись в них. Гнев выиграл, как это частенько и бывает с молодыми мужчинами. Они плотно обхватили свои посохи и размашисто зашагали вперёд. Аркан по-прежнему расслабленно раскачивался в моей руке.

Она повернулась, чтобы посмотреть на людей и, к моему удивлению, - она испугалась. Она отвернулась и опустила свой мерцающий, как пламя, хвост между ног. Мужчины бросились на нее, и я понял всё лишь

за мгновение до того, как её уловка сработала. Первый пастух оказался на спине с лапами на груди, в то время как зубы вцепились в руку его брата наносящего размашистый удар палкой. Тот закричал и бросил оружие. Он поднёс руку ко рту, как будто благословение губ могло исцелить раздробленные кости. Второй пастух повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как волк разрывает горло его товарищу.

Она была великолепна. Я стоял, как мог бы стоять в театре, наблюдая как актёры играют драму с такой силой, что не смел пошевелиться, чтобы не нарушить их концентрацию. Другие два замерли в оборонительной позиции, не веря тому, что, они знали - было правдой. Она обошла их один раз, медленно, а затем бросилась вперёд, срубив их топороподобным ударом своей головы. Трое, борясь, покатались по земле, но там мог быть лишь один исход. В конце концов, она выбралась из-под трупов и отряхнулась, словно собака после дождя. Я продолжал наблюдать, как будто зная, непонятно откуда, что это было ещё не всё, что мне предстояло увидеть.

Волчица ушибла левую заднюю лапу и, хромя, побрела к подножию дерева, на котором сидел я. Моё дыхание замерло у меня в груди, и я напрягся, чтобы там его и оставить. Она села против корней и вновь отряхнулась. Луна вышла на мгновение из-за облаков, или мне так показалось, и вдруг я уже смотрел на женщину, или может девушку. Голая девушка у основания дерева, плечи гладкие, покрытые кровью, её левая нога дотянулась до её лица, и она лизнула порез на нежной коже. До сих пор я молчал, но на этой трансформации я позволил холодному ночному воздуху в спешке покинуть мои лёгкие и сделал резкий вдох, чтобы заменить его потерю. Голова девушки резко поднялась, и наши глаза встретились, как они встретились ранее. Я понял её взгляд тогда, как я не мог сделать этого раньше. Убийца смотрел на убийцу. Подобное узнало подобное.

В одно мгновение она развернулась и, прежде чем я успел хоть что-нибудь сказать, хотя бы то, что я не собирался причинить даже малейшего вреда кому-то, столь великолепному, ушла. Она бежала по полю, вновь волчица, вновь идеальная. Я же медленно пополз назад в поместье, избегая самых чёрных теней, качая головой в попытке выбить события этой ночи из своей памяти. Когда я проснулся поздним утром, они по-прежнему оставались со мной, столь же яркие, как и солнечный день, что приветствовал меня.

ПОСЛЕ ЭТОГО мой элегантный план пришлось отложить, а охрана графа была удвоена. Они обнаружили тела троих пастухов и отпечатки в земле, которые были настолько ясны, что даже жирный Хуго мог их прочесть.

- Оборотень, - сказал он, морщась так, как будто опустил палец в воду в ванне, которая оказалась слишком холодной, чтобы в неё погрузиться.

Что возмутило меня, когда я стоял недалеко от дерева, на котором провёл предыдущую ночь, - это поведение мужчины. Выражение собственного превосходства над чем-то, что он никогда не смог бы даже надеяться понять. С этого момента я решил, что я на её стороне: дикая, испуганная, идеальная убийца против жирного, ручного егеря. После того как мы провели важное собрание, на котором обсуждали наилучший способ, как поймать в ловушку свирепого зверя (мои предложения были глупыми и нарочно непрактичными), я отправился на её поиски.

Фермеры и работники графского поместья жили в деревне за стенами усадьбы: коллекция хаток и домиков под соломой, сгрудившихся вокруг мельницы, как будто они старались занять так мало места на графской земле, как только было возможно. Я чувствовал глаза, разглядывавшие меня из-за тёмных окон, пока подходил, изредка останавливаясь, чтобы сбить прутом, выдернутым из изгороди, налипшую

на сапоги грязь. Её нетрудно было найти. Я задал несколько вопросов, на которые нельзя было не ответить (ведь задавал их человек из усадьбы). Ответы, которые я получил, конечно, не были проявлением сотрудничества, но жители рассказали мне больше, чем думали.

Я нашёл её, когда она набирала воду в колодце. Она увидела меня и бросила ведро, скрываясь за сараем. Я последовал за ней так быстро, как мог, и на этот раз успел сказать, что не хотел причинять ей вреда. Она знала, что я знал, она видела это в том, как я смотрел на неё, это всегда в глазах. Она зашла в сарай, и я шагнул вослед, ожидая пока мои глаза приспособятся к темноте, разделяемой на полоски светом, пробивающимся сквозь щели между досками. Я чуял запах сена и её.

Нападение волка оказалось для меня совершенной неожиданностью и мне повезло, что у меня была солома, на которую я и упал. Она была на мне, и я ясно вспомнил судьбу открытой этим челюстям шеи. Но я не глупый мальчик пастух. Я оттолкнул коленями сидевшее на мне существо и вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы встретить новый атакующий прыжок. На этот раз я повернулся на одной ноге и встретил атаку другой. Манёвр стоил мне баланса, и я вновь отведал соломы, но мой сапог встретился с ухом волчицы и сбил её с ног. Я вскочил, выплёвывая пыль, и встретился с ней вновь. Она качала мордой, пытаясь выбить солому и заусенцы, которые в ней застряли, и я засмеялся.

- Кажется, мы оба уже имеем причины, чтобы сожалеть об этой битве, - говорил я более уверенно, чем чувствовал, но такие обманы мои еда и питьё. В то время, пока мы изучали друг друга, я расстегнул застёжку моего плаща и осмотрел помещение в поисках оружия. - Должны ли мы сражаться, пока один из нас, скорее всего моя прекрасная личность, не станет хладным мясом? - там были вилы, которыми ворошили солому и которые были воткнуты в потолок надо мной. Моя мольба не оказала никакого влияния, и она, опустив голову, начала подкрадываться ко мне на идеальное для прыжка расстояние.

Я смотрел на глаза, это всегда в глазах. Её жёлтые и дикие глаза, янтарные бассейны злобы, но также и нежные. Я всматривался всё сильнее, и чуть было не угодил в её ловушку. Там не было мягкости, обман предназначался для сентиментального противника, которого точно оценил её взгляд истинного хищника. Я пришёл в себя, как только она бросилась. Она была достаточно быстра, почти достаточно, но я был убийцей дольше.

Я прыгнул вверх, бросив перед собой плащ и добираясь до вил, которые торчали над моей головой. Она влетела головой в развевающую шерсть и неловко ткнулась в землю. Когда она покатилась по соломе, я дёрнул за ручку, освобождая вилы. Я рухнул на землю в вихре соломы и кровельных балок. Клубок волка и плаща метался по полу, и я нанёс ему проникающий удар рукояткой вил. Я шагнул в сторону, когда часть крыши угрожающе прогнулась, и перевернул вилы, теперь четыре зубца обвиняюще указывали на мой плащ. Его наполнение теперь было намного меньше, и я выдохнул, не ощущая до этого, что всё это время задерживал дыхание, когда увидел девичью голову, высовывающуюся из отверстия для рук. Я убедился, что она останется закутанная в плащ. Мой вкус, как правило, ограничивался женщинами более взрослыми и с более пышными формами, но я не мог отрицать определённую привлекательность в том, что предстало передо мной. Тем не менее, я, прежде всего джентльмен-убийца. Мы присели вместе в луче света в углу сарая, она потирала синяк на плече, а я выковыривал солому, застрявшую у меня в зубах.

Наш разговор был недолгим, но этого хватило, чтобы убедиться, что своего состояния она боится больше, чем любого количества пастухов и фермеров. Я предложил ей устраивать вдохновлённые ночью бесчинства подальше от дома или же, может быть, посеять хаос среди оленей в лесу. Казалось, она едва могла себя контролировать, и я поклялся помочь ей. Мы решили, что её единственный шанс на это - покинуть деревню и поселиться где-нибудь в более глухой местности. Зачем? Я покинул деревню,

задавая себе этот вопрос, вдруг почувствовав печаль, даже тревогу, от речистой фразы, которую придумал для себя, что «убийца узнаёт убийцу». Конечно, что-то там было. Может быть, я видел немного от себя в детстве в её дикости и хотел помочь ей преодолеть все препятствия и превратиться из неопределённого дикаря в рафинированного художника смерти. Может быть, я любил её, хотя вряд ли. Я не столь глубоко сентиментален.

Независимо от причины, я решил помочь ей и, выполнив столь простой план, который мы разработали, вернуться обратно к задаче моего работодателя. Вот только, всё пошло не так, святой отец. Другой персонаж входит на сцену моего рассказа, почтенный Каслэйн, и пишет главу, о чьём авторстве я буду сожалеть до конца моих дней.

Этот персонаж, и этот автор - вы.

КАСЛЭЙН вскочил на ноги, полы его тяжёлого одеяния вытерли каменные плиты пола. Убийца на диване уставился на него.

- Я наблюдал за вами, пока рассказывал эту историю, и вы с самого начала знали, что это была *ваша* история, тем не менее, вы слушали. Я рассчитывал на ваше тщеславие, и оказался прав в этом, как и во всём остальном, - он улыбнулся улыбкой волка.

Архи-лектор начал двигаться в сторону двери, с видом человека, который хочет бежать, но не смеет этого показать. Он остановился, услышав шум за своей спиной, и резко обернулся. Человека на диване больше не было. На самом деле священник его нигде не видел. Большое кровавое пятно отмечало место, где он лежал, и мягкая красная подушка из плоти валялась рядом. *Почка!*

Каслэйн уставился на неё, пытаясь вникнуть. Его разум на ощупь ступал в недружелюбной темноте. Почка была слишком мала, чтобы быть человеческой - козья? Сколько раз он приносил козлёнка в жертву Зигмару в этот святой день, или чьей? Он вспомнил пронзительный крик корчащегося животного и кровь, всегда так много крови...

Разгадка хитрости снизошла на Каслэйна, медленно, но сокрушительно, этого нельзя отрицать. Его лицо исказилось от тревоги, и он обернулся. Убийца стоял между ним и бархатной верёвкой, ведущей к колоколу, с помощью которого Каслэйн мог бы призвать охрану. Он снял с себя окровавленный плащ и стоял перед ним, здоровый и бодрый, на его лице играла улыбка победителя. Каслэйн бросился к двери, но убийца присел и ловко подставил священнику подножку. Престарелый лектор сильно ударился о каменные плиты и прокатился под золочёными бархатными шторами.

Тысячеликий из Магритты шагнул вперёд и резко дёрнул. Шторы упали, собравшись в кучу над священником. Убийца перекатил лектора ударом сапога, несколько раз, пока тот не оказался полностью завернут в бархатный кокон. После чего нанёс удар ногой в область, где должна была находиться голова Каслэйна, и приглушённые крики прекратились. Затем он оседлал бархатную личинку и тяжело сел. На секунду, он эксцентрично принял позу рыцаря скачущего на лошади и начал раскачиваться, как будто и впрямь скакал на коне. Это, казалось, смогло развлечь его на некоторое время, но затем его лицо вновь стало серьёзным. Он полез в сапог и вытащил тонкий стилет, после чего Тилейская Оса наклонился вперёд с этим жалом и начал вырезать отверстие в коконе в том месте, где должна была находиться голова священника. В конце концов, показалось страдальческое лицо архи-лектора, и убийца предупредительно махнул клинком, показывая, что прикончит Каслэйна при малейшей попытке позвать на помощь.

- Ваше нетерпение разочаровывает, и теперь вы не услышите конец моей истории. Истории, часть которой вы написали сам, хотя эту главу напишу я, последнюю главу, в которой появляетесь вы. Я говорил вам, что должен признаться в том, что убил священника. Вы - тот священник, хотя у меня уже не осталось времени, чтобы рассказать вам, почему вы должны умереть.

МАГНУС переместил взгляд к замочной скважине, но в остальном остался прикован к месту, спина согнута, влажные ладони прижаты к поверхности деревянных дверей. Он видел, как человек уселся на архи-лектора и наклонённый под углом его клинок. Он видел, как человек воткнул его в шею священника, заглушив крик жертвы куском занавески. Он видел, как человек повернулся и вытянул шею, пока он искал глазами пути для отступления.

Магнус слышал и видел всё это, и не смог вмешаться. Он был не в состоянии двигаться, до сих пор. Но когда он, наконец, овладел своим телом, оказалось, что он движется не в ту сторону: его руки тянутся к ручке двери, а ноги не бегут обратно в мраморный зал. Он смотрел, как будто всё ещё оставался всего лишь наблюдателем, как его рука опустилась на дверную ручку. Он выдохнул, когда увидел комнату за дверью, как будто предполагал, что замочная скважина могла показать ему реальность отличную от той, что встретила его сейчас.

Убийца вскочил на ноги. Он двигался в сторону Магнуса, его шаги были размерены, а глаза внимательно следили за мальчиком, как будто рассчитывая расстояние между ними таким образом, чтобы убийца мог допрыгнуть до него в любую секунду. Убедившись в том, что Магнус был один, он запер дверь и прислонился к ней спиной.

Магнус смотрел на двойную кровавую линию на занавеске в том месте, где убийца вытер об неё свой кинжал, пока его концентрация не была разрушена необходимостью вдохнуть и выдохнуть воздух.

- Мальчик с ведром?

- Да. Да, но...

- Но ты больше, чем это? Да, я уверен. Мы все больше, чем кажемся, - пауза. - Ты не пострадал.

- Ну, похоже.

Вдох. - Что вы будете делать теперь?

- Я закончу свою историю. Разве это не то, за чем ты пришёл сюда?

СОБЫТИЯ не стали развиваться по моему сценарию. Игроки имели свои мотивы, и каждый утверждал своё собственное авторство. Даже мой собственный сценарий, возможно, был написан другим. Как часто я таким путём отвлекался от своей работы?

У Хуго был двоюродный брат, священник Зигмара. Он пришёл, молодой зачаток мужчины с соломой вместо волос и подбородком ребёнка. Он заявил, что будет наблюдать ночью за животными и поймают убийцу. Он обладал рвением солдата в его первом бою, но и ещё кое-чем, важностью офицера, хотя у него и не было войск. Мы были его войском, и он шествовал среди нас, воображая, что мы склоняемся и отдаём честь.

Пастухи насмехались над ним, пользуясь возможностью повеселиться, которой не было у них в

последние месяцы. Хуго сделал заявление, что его собственные полномочия распространяются на его молодого кузена в течение всего времени, на которое тот решит остаться с нами в имении. Священник улыбнулся непроницаемой улыбкой и жёстко кивнул.

Он пошёл в поле на третью ночь после своего прибытия. У него с собой был фолиант, с которым он проконсультировался, прежде чем заступить на ночное бдение, облачившись в белый балахон и уйдя во тьму.

Всё это время я не бездействовал. Я ещё дважды разговаривал с девушкой, и каждый раз она уверяла меня, что в эту же ночь покинет селение. И каждое утро я находил её работающей в поле, как если бы мы никогда не говорили. Я не знаю, почему она оставалась, продолжая убивать ягнят всё это время, но, возможно, это было потому, что она нашла во мне некое родство, некоторую доброту, от которой не могла так легко отказаться.

Мы сложные существа, и, хотя я не люблю, когда мои планы прерываются, я не могу сказать, что был не рад от того, что она оставалась. Я не особо беспокоился о священнике, и именно здесь была моя ошибка - не то, чтобы он представлял какую-нибудь опасность для кого бы то ни было, но именно его смерть стала тем, что в конечном итоге разрушило мою стратегию.

Они принесли его тело, изогнутое и влажное от росы. Никто не видел смерть юнца: пастухи нынче были слишком напуганы, чтобы разделять ночные часы со своими подопечными, но следы челюстей оставляли мало сомнений в том, кто был убийцей. После этого события развивались безостановочно. Граф использовал своё влияние, чтобы связаться с архи-лектором Каслэйном в Нульне и обратился к тому же ощущению значительности и возможности, которые впоследствии использовал и я сам.

Каслэйн прибыл на юг с солдатами и охотниками на ведьм, и они нашли её, как я и предполагал. Солдаты прошли по деревне с дубинками и раскалённым железом. Каслэйн не пугал меня, однако на крестьян и рабочих в поместье его прибытие оказало желаемый эффект. Они кланялись и расшаркивались перед его ликом, а за спиной укладкой делали оберегающие жесты.

Хотя их методы были грубы, но оказались достаточно эффективны, и уже через две ночи пребывания Каслэйна в имении, он получил её. Я бы убил его тогда, но в тот момент меня больше заботило, как спасти её. Беспомощность, это не то состояние, к которому я привык или которое я воспринимаю с лёгким сердцем.

Наш последний разговор состоялся в том же сарае, что и первый. Я был зол, опасаясь за свою безопасность и разочарованный её упрямством. Она плохо отреагировала на мой гнев, и разговор закончился ничем. Теперь бы я хотел поступить по-другому. Меня никогда не учили принимать действия судьбы или следовать её прихотям. Я пытался убедить её уйти всеми возможными способами, но она осталась, и я знал, что это было ради меня.

Они пришли, и они нашли её, и они пронзили её копьями. Она забрала с собой троих солдат, я видел это, смотря из толпы, скрывшись под капюшоном и склонив голову. Её мать тоже была там, женщина с тонкой кожей, которая обнаружила родство к крови, когда та потекла перед её лицом. Я так никогда и не узнал её имени. Они привязали её к столбу и выпороли, а на закате предали огню. Мои беспомощные пальцы вонзились в моё запястье, и в тот день я дал безмолвный обет.

Издранному телу понадобилось несколько часов, чтобы сгореть и превратиться в маслянистый дым, который заставил зрителей закашляться и прикрыть глаза. Каслэйн читал молитву к Зигмару, поставив одну ногу на пепельный череп, мерзкий шест полный политической важности и самодовольной злобы. Я

убил солдата той ночью, я не знаю его имени, да это и не то дело, которым я могу гордиться. Я взял его жизнь, когда он спал, и мои слёзы смешались с его кровью.

Утром я собрал её прах в мешок, найденный в разрушенном сарае, и поручил её лесу.

МАГНУС осознал, что убийца закончил говорить, и поднял голову. Ассасин стоял, вытирая щеку углом бархатной занавески, убирая следы того, что, возможно, было слезами. Он стоял и смотрел прямо в глаза Магнуса. Пристальным взглядом, вызывающим дискомфорт.

- Итак, вот моя история, - сказал Тилейская Оса. - Здесь лежит, возможно, моё самое главное убийство, а я чувствую слабое удовлетворение. Ты почти священник. Ты можешь сказать мне, почему?

Магнус тщательно подбирал слова, судорожно сцепив взмокшие от пота пальцы.

- Я не хочу, сэр, стать одним из ваших убийств, пусть даже и наименьшим из них. Я видел, что происходит с теми, кто слышит ваши признания, - рассвет вцепился в щель под дверь. - Но всё же рискну. Вы видели мало того, что другие видят в смерти, или, возможно, вы знаете, что не можете не убивать, даже если хотите любить?

Мгновение созерцания, мгновение, равное времени падения слезы на каменные плиты, если бы там была такая слеза, не более.

- Ерунда, - ответил убийца. - А теперь я ухожу, чтобы продолжить своё прибыльное дело, и оставлю тебя, единственного, кто видел меня и остался жить.

- Почему?

- Потому что могу. Ты задаёшь много вопросов, мальчик.

- Я...Я хочу спросить другое. Что стало с графом? Он по-прежнему жив?

- Я ухожу, чтобы нанести ему визит. Каким же обличем следует мне воспользоваться на этот раз?

- Сэр, как я могу консультировать вас в этих вопросах, того, кто может использовать в качестве маскировки себя самого?

ХУГО стучал в дверь графа Пфайльдорфа костяшками жирных пальцев. Двое мужчин стояли там поздним утром, в каменной комнате, что предшествовала внутренней двери графа, которая поглощала их своей массой. Хуго был всё тем же, но человек, стоявший рядом с ним, был облачён в балахон с капюшоном жреца Зигмара, и, судя по вычурному орнаменту, был важной птицей.

- Проснитесь, господин! - умолял вкрадчивый голос, Хуго оказался в ловушке между двумя начальниками, чьи пожелания вступили в противоречие. - Я бы не осмелился побеспокоить вас в столь ранний час, но я уверен, что вы будете рады встретиться со столь почитаемым гостем.

Наконец изнутри пролаяли вопрос.

- Кто это, сэр? Это Каслэйн, архи-лектор.

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Волк_в_овчарне_/_Wolf_in_the_Fold_\(рассказ\)&oldid=9180](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Волк_в_овчарне_/_Wolf_in_the_Fold_(рассказ)&oldid=9180)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 05:56.